

В книге собраны рассказы более 120 детей войны, бывших узников концлагерей, ветеранов Великой Отечественной войны, записанные волонтерами, родственниками, педагогами, учащимися школ, участниками проекта «Детство, опаленное войной».

Расстрелянное детство

Воспоминания жителей Гродненского района о первом дне войны из книги «Голоса детей войны»

«НЕМЕЦКИЕ САМОЛЕТЫ С ЧЕРНЫМИ КРЕСТАМИ ВЫЗЫВАЛИ УЖАС И СТРАХ»

«Родилась я 12 марта 1934 года в деревне Ферма Гродненского района. Когда началась война, мне было семь лет.

Вспоминаю воскресенье 22 июня 1941 года. Мы, сельские ребята, играли в классики и даже не подозревали, что ждет нас впереди. Помню, на второй день войны было слышно гудение самолетов, а затем двумя колоннами через деревню Литвинки шла немецкая техника.

На оккупированной фашистами территории действовали партизанские отряды, которым помогали местные жители. Мои родители также снабжали партизан продуктами. Часто партизаны отдыхали у нас, прятались в кулах соломы, а дедушка сторожил их. Бабушка носила им продукты и приказывала мне, тогда еще ребенку, чтобы я никому о партизанах не говорила. Однажды партизаны принесли газету, где была фотография — немецкий самолет на бреющем полете расстреливал беженцев. Немецкие самолеты с черными крестами вызывали у меня ужас и страх».

Валентина Леонидовна ЖАРКОВСКАЯ (Панасюк)

«НЕМЦЫ ДОЛГО И РАДОСТНО НАБЛЮДАЛИ, КАК СОБАКИ ТЕРЗАЛИ ЛЮДЕЙ»

«С первых дней войны в нашей деревне появились немцы, сделали в здании бондарской школы комендатуру. Обсыпали ее песком до окон. Школьный двор был огражден высокой коричневой изгородью. За ней немцы держали собак. Часто овчарок выводили за ворота, обходили с ними деревню. Могли натравить их на человека.

Однажды мой брат Шура гулял за забором на улице, а немцы вышли с собаками за ворота школьного двора, увидели его и натравили собак. На Шура была кофта кого-то из взрослых с длинными рукавами. Это его спасло от укусов: он упал и накрыл рукавами голову. Собаки злостно драли его одежду, а потом переключились на женщину, которая шла из соседней деревни, и сильно покусали ее. Это была Мария Алексеевна Сирота, которая возвращалась домой из Конюхов. Шура тогда прибежал домой и сказал родителям: «Там собаки терзают тетю, и со мной гуляли». А немцы долго и радостно наблюдали за этим страшным зрелищем, стоя в школьных воротах».

Ольга Михайловна ВОРОБЕЙ

«Я ПОВЕЛ ПАСТИ ЛОШАДЕЙ И УВИДЕЛ, ЧТО ГРОДНО УЖЕ ГОРЕЛ»

«22 июня 1941 утром мы встали и услышали гул. Евреи говорили, что это маневры. Я повел пасти лошадей, взобрался на возвышенность и увидел, что Гродно уже горел. Началось отступление советских войск, из Кузницы шли обозы.

Танки прошли через деревню. Еще первую ночь мы переночевали дома. Во вторник прилетели самолеты и бомбили Одельск, сожгли почти всю деревню, улица Кузницкая вся сгорела. Видел, как самолет сбросил бомбу, мы с отцом вскочили в соседний дом, бомба упала, дверь вместе с нами оттолкнуло взрывной волной.

Перед бомбежкой немцы бросили листовки, чтобы люди уходили в чистое поле, надевали белье платки.

Кто остался в деревне, погибли от бомбежки, среди них моя бабушка».

Антон Казимирович ПЯСЕЦКИЙ

«КАЖДЫЙ РАЗ, КОГДА ФАШИСТЫ БЫЛИ БЛИЗКО, ПАПА ГОВОРИЛ НАМ МОЛЧАТЬ. МОЛЧАЛА ДАЖЕ ЛОШАДЬ»

«В воскресенье, 22 июня, когда я проснулась, в доме, как всегда, пахло пирогами и домашним хлебом, но мама была чем-то обеспокоена, в небе были какие-то странные звуки. Мне стало страшно, начала дергать маму за юбку, спрашивая, что случилось. Она гладила меня по голове и успокаивала.

Вскоре пришел мамин брат и сказал, что началась война. Я тогда не понимала, что это. Мы начали быстро собираться. Все ценные вещи спрятали в погребе возле дома, а продукты сложили в ящик и поставили на повозку. Было принято решение спрятать меня и старшего брата на островке, вблизи деревни Соломянка, в восьми километрах от Озер. Отец посадил меня и брата на повозку, и мы поехали. Мама осталась смотреть хозяйство, пряталась в пшенице возле дома.

Мы ехали по лесной дороге, а совсем недалеко была дорога, которая вела в Озеры, по ней ехал мотоцикл с людьми в форме и шлемах на голове. Папа остановил лошадь и приказал нам вести себя тихо. Нас не заметили. Пока мы доехали до места, они встретились нам дважды. Каждый раз, когда папа говорил молчать, молчала даже лошадь. А ведь нас уже тогда могло и не быть».

Когда мы подъехали к островку, где жили мамыны родственники, мы увидели, что мост, через который нам нужно было пройти, уже частично взорван, а на его обратном конце стояли наши родственники и плакали.

На озере у берега был паром, на который папа поставил повозку с продуктами и рядом привязал лошадь. Меня он взял на руки и пошел по полуразрушенному мосту. Мне было очень страшно.

Кажется, всю дорогу я не дышала от страха, папа делал несколько шагов и останавливался, когда пролетали самолеты, он сильнее прижимал меня и шептал: «Держись сильнее, доченька». Эту переправу я не забуду никогда.

Уже и не помню, сколько мы пробыли на этом островке. Помню, что привычным стало ночевать в погребе (немцы бомбили по ночам, особенно по одиночным домам, думая, что в них прячутся партизаны). Привычным было есть из одной тарелки с ужами. Бывало, подползет к тарелке — дашь ему ложкой по лбу, чтобы не мешал, и дальше ешь.

Сложно и больно вспоминать военное и послевоенное детство. Но память должна жить в наших детях».

Руфина Брониславовна МЕЛЬЯНОВА (Поволянская)

Подготовила ДИАНА СИДОРКЕВИЧ